

A photograph of a forest scene. In the foreground, there is a large, fallen tree trunk lying horizontally across the frame. The background is filled with tall, thin trees, likely pines or spruces, with sunlight filtering through the canopy, creating a bright, hazy atmosphere. The overall color palette is dominated by greens, browns, and yellows from the sunlight.

Александр Шатилов

Болотница

Александр Шатилов

Болотница

«Автор»

2024

Шатилов А.

Болотница / А. Шатилов — «Автор», 2024

Кто такой дядя Гриша? Одни скажут, что колдун, другие, что святой, а третьи - просто посмеются и скажут, что это обычный деревенский мужик, и только такие угрюмые и странные мужики сейчас в деревнях и остались. Но вот только дядя Гриша знает то, что не знают обычные люди, и даже не все колдуны, если они вообще существует. Дядя Гриша видит больше, чем обычные люди, и у него есть секреты, о которых нельзя говорить посторонним. Автор фото на обложке - Александр Шатилов.

© Шатилов А., 2024

© Автор, 2024

Александр Шатилов

Болотница

Когда я впервые напросился с дядей Гришей в урочище, даже и подумать не мог, что сто раз пожалею, и такого ужаса натерплюсь, не приведи Бог. Вернуться бы в тот день, да отговорить себя молодого, ну или хотя бы дядю Гришу попросить ходить на свои дела в одиночестве, может, спал бы теперь по ночам спокойнее.

Дядю Гришу местные, не то чтобы боялись, просто общались с ним крайне неохотно, хотя мужик он был приветливый, умел делать всё, что крестьянину в быту нужно, и если кто к нему за советом приходил, получал именно то, что нужно, а иногда и больше. Соседские тётушки-старушки, сидевшие на лавочках, как мне казалось, перманентно, с весны до первого снега, почтительно замолкали, когда он проходил, а после начинали что-то шёпотом обсуждать. На меня, как на единственного его родственника, подобное отношение распространилось сразу же, едва заметили, в какой дом я направился, когда приехал.

Так вот, дядя Гриша приходился сводным братом маминой тётки по отцу. Как в народе говорят – седьмая вода на киселе. Говорили, бабушкина сестра вышла вторым браком за мужика одного, то ли мельника, толи кузнеца, и почему-то родня со стороны бабушки тогда против была, но этой истории уже никто не вспомнит, ведь с тех пор прошло лет шестьдесят. Собственно о дяде Грише я узнал уже в юные годы, когда получил паспорт, и с тех пор мечтал посмотреть, какой он, этот дядя Гриша. В моём воображении он рисовался то отчаянным сорвиголовой, вроде пиратского капитана, то интеллектуалом и вольным художником... Я совсем не знал и не понимал, чем живут люди на селе, и особенно этот загадочный человек. И при первом знакомстве я слегка опешил. Про него мама и бабушка наговорили столько туманных вещей, что я совершенно не был готов увидеть простого, самого обычного мужичка в старых джинсах и армейской камуфляжной куртке. Аккуратная седая борода обрамляла тонкие губы, лицо украшали выразительные голубые глаза, брови казались слегка нахмуренными. Скажу честно, я его не узнал. Я стоял посреди маленькой площади за платформой, от которой разъезжались несколько жигулей и уазик, растерянно осматривая незнакомое место. И когда я уже хотел подойти к магазину, у которого старушка разложили на продажу зелень и пару баночек солений, он вдруг окликнул меня, причём по имени. Это я сейчас удивляюсь, как он узнал меня, ведь у него не было ни одной моей фотографии, мы даже не разговаривали по телефону никогда, и я не говорил, когда именно приеду, а тогда всё было просто и так логично, как иногда бывает во сне: он подошёл, назвал моё имя, произнёс одну короткую фразу «ну пойдём», и я пошёл за ним.

Я решил пожить у него одно лето после защиты диплома. Хозяйство и дом у дяди Гриши были, как мне казалось, самые обычные. Единственное, что казалось мне странным, в отличие ото всех сельских мужиков, не пил и не курил. Жил он один, держал собаку и кур, ещё по двору бегали несколько кошек, которых он подкармливал, и они позволяли себя гладить, и тёрлись о его сапоги. Сейчас я вспоминаю, что эти кошки были ласковыми только с ним одним, меня чёрный кот с белой отметиной за ухом больно цапнул когтями, едва я протянул к нему руку. Дядя только хмыкнул. Взял мою руку в свою, подул, полил водой из ковшика, спокойно проговаривая: «Ну кто ж так просто животное трогает? Это тебе не городская, она привыкнуть должна». Утром царапина исчезла.

Дядя иногда уходил в лес ещё засветло, а возвращался ночью, так что я был предоставлен сам себе весь день, и, полный скуки, слонялся по окрестностям или купался в реке, но это особой радости не доставляло, так как заросшие берега были крутыми и скользкими, а после водных процедур я становился обедом для целых полчищ слепней, комаров и мошек. Иногда погода была плохая, поэтому вариант с купанием сам собой отпадал. Зато когда дядя возвра-

щался, я не упускал возможность расспросить, где он был и что видел. Обычно дядя отвечал уклончиво или переводил тему. С собой он приносил какое-то травы, некоторые из которых я знал хорошо, а некоторые видел впервые в жизни.

Как-то вечером я вспоминал о дне Ивана-Купалы, и пустился в рассуждения о народных суевериях, о леших, кикиморах и русалках. По глазам дяди я вдруг понял, что эта тема его привлекла, хотя он и поспешил отвести глаза.

– Вот ты, когда ходишь по лесу, ну то есть, ты много где ходил, – говорил я, размешивая сахар в железной кружке с чаем, – ты видел хоть что-то подобное? Ведь не на пустом месте все эти сказки, легенды, страшилки. Вот и по телевизору показывают экстрасенсов, которые говорят, что всяких сущностей видят. Вот ты что-то похожее на сущность видел? Ну хоть раз? Только честно!

– Честно? – дядя Гриша задумался, бросив на меня быстрый взгляд светло-голубых, почти хрустальных глаз, и сильнее нахмурил брови. – Ну, допустим, видел.

– И как они? То есть что, правда? Когда? Где? – мне не верилось, что дядя Гриша мог видеть что-то потустороннее, так что предвкушал услышать затейливую байку времён его бурной молодости.

– Как, как, – поднял он глаза, – обыкновенно, как. Сущности они ведь тоже разные бывают. И то, кого ты сущностью назовёшь, может и не сущность вовсе, – он замолчал.

– А кто?

– Душа.

– В смысле, душа? – не понял я.

– Ну, вот так, застряла душа, уйти не может. А порой и сама не знает, что тела больше нет. Она к живым просится, ведь живой для неё как лампочка для мошки... А есть то, что и не душа, и не дух, просто существо, только его люди не видят, пощупать не могут, а оно есть, как радиоволны, знаешь?

– А как же ты тогда видел? – засомневался я.

– Так не мудрено увидеть, когда они сами, бывает, покажутся. И ты про этих, как их, экстрасенсов, говорил? Вот у них дар есть...

– А у тебя дар?

– Дар – не рад, за такое у нас особо не любят, так что ты при бабках, да и вообще чужих, смотри, не болтай.

– Ну, всё-таки? Ты когда уходишь в лес, ты их видишь? – не унимался я, чувствуя, что наткнулся на золотую жилу откровений.

– Я не просто хожу, из ног глухоту вышибить, я за делом. Иногда и помогать приходится, иногда и опасно бывает, так что как ворочусь, неделю порой лежу...

– Ты правда с духами общаешься? С сущностями там, русалками?

– Ох, ну как объяснить тебе... Чай, как с тобой, с ними не пью, у них другой мир, туда людям до срока дорога заказана... – он остановился, поймав мой непонимающий взгляд. – К мёртвым раньше смерти своей не попасть, в другом мире они живут.

– А как ты их видишь?

– Не забегай вперёд паровоза, о том и толкую. Если душа тут осталась, или беда с ней, или дело осталось недоделанное, или за родных переживает, или самоубийца, или умер нехорошо человек, внезапно так, тогда она может прийти, может в нашем материальном мире проявиться, люди такое привидением зовут, духом, барабашкой называть стали.

– А душа правда есть?

– А дуся пьядя есть? – передразнил меня дядя Гриша, и мне стало неловко, словно я его обидел. – Как ей не быть, когда ты и есть душа? – продолжал он сурово, но потом немного смягчился. – Это уж скорее надо говорить, что у тебя есть тело. Хотя... – тут он немного подумал, – может ты и прав, наше «Я», оно в разуме, а разум он, коли хочешь знать, к мозгам не шибко

относится, это как составная часть того, что в народе именуют «человек». Собрать всё вместе: тело, разум, душу, дух, сознание, энергию, да ещё всякий всячине, о которой сейчас говорить не буду, – вот человек и получится. Сложные мы с тобой творения, которые, пока живут, сами себя творить продолжают. Ты что думаешь. Две клеточки от мамки с папкой сошлись – уже и человек? Нееет! Вот как они сошлись, так как этому набору клеточек душа притягивается, родился человечек – сознание включается, и то не сразу. Растёт такой ребёночек, развивается, знания получает, достигает высот, с людьми общается, интеллект и опыт расширяет, а потом приходит пора – душа из тела выходит. Если, как уже сказал, что-то стряслось, энергии нет, так и застрять тут может. А я хожу, застрявших поднимаю, кому уйти помогу, от кого весточку передам. С войны, да ещё и раньше, здесь, знаешь, сколько душ осталось?

Я слушал дядю Гришу как замороженный.

– Покажи. Покажи, пожалуйста, как это?

– Будет тебе, это только моё дело, – махнул он на меня рукой. – Засиделись на ночь глядя. Спать давай.

– Ну, дядь Гриш, – запротестовал я, – ну не дети же мы, ей Богу...

– Спать! – строго скомандовал он. – Утро вечера мудренее.

Спорить оказалось бесполезно, и отправился на свою импровизированную лежанку на антресолях в закутке над входом. Ещё неделю я упрашивал дядю Гришу показать мне, как он общается с духами, и когда я уже почти отчаялся, он вдруг согласился. Помню тот вечер, словно вчера: он долго смотрел на меня, пристально вглядывался, так что мне аж стало нехорошо, по телу пробежал холодок.

– Ну, пойдём, – сказал он. – Покажу тебе, всё, как вижу сам. Только два условия.

Я смотрел на него не отрываясь, и только через пару секунд сообразил, что надо ответить, и нервно закивал.

– Первое. Во всём меня слушаться. Скажу стоять, стой и не шевелись. Скажу бежать и не оглядываться... Помнишь в сказке: «оглянешься – окаменеешь»? То-то, чего ещё похуже сделается. Второе. Никому о том, что видел, не говорить, кто бы тебя не допытывал. Всё ясно?

– Ясно, – тихонько промямлил я, немного непуганый его серьёзностью. – А когда...

– Всё узнаешь со временем, – перебил он меня. – Лишних вопросов сейчас не задавай. Когда скажу пора, значит пора, а до тех пор не приставай ко мне.

Больше на эту тему я с ним не говорил неделю до того самого дня, когда он позвал меня с ним в лес. Мне хоть и любопытно было его расспросить обо всём, но с другой стороны, я боялся, что дядя рассердится и передумает мне показывать своё общение с духами. Хотя я понятия не имел, что это вообще будет за действие, и буквально готов был взорваться от кипевших в уме вопросов.

Три дня до этого дядя следил, чтобы я не ел ни мяса, ни сладкого, заставлял до бесконечности колоть дрова, таскать воду, ворошить сено в сарае, короче говоря, утомлял меня, как только мог, и плюс к тому почти не давал спать, так что я валился с ног, но послушно терпел все его издевательства ради посвящения в тайну, в которую начинал всё меньше верить. После очередного изматывающего дня, я пообещал себе, что выскажу ему утром всё, что о нём думаю, а именно, что он обманщик и эксплуататор, и никогда не видел ни следа духа или привидения.

Дядя разбудил меня внезапно среди ночи.

– Пора, – сказал он.

Я сонный и ничего не понимающий слез со своих антресолей. Комната выглядела странно и необычно: дядя зажёл несколько тонких свечек, в глиняном ковшике на столе курились сушёные травы, издавая пряный запах, не сравнимый ни с чем, что я раньше знал.

– Надень это и не снимай, – дядя повесил мне на шею маленький мешочек за белой льняной ткани. – Это дурное отведёт.

Затем он стал читать толи молитву, толи заговор, так что я почти не мог разобрать слов, при этом он обмахивал меня пучком сушёных трав, после чего бросил их в печку. После он налил в стакан какую-то жидкость, и тут, я не поверил своим глазам, сделал ножом надрез на ладони и капнул в напиток свою кровь.

– Выпей, – сказал он, – будешь видеть то же, что и я.

Я не посмел послушаться. Жидкость обожгла пламенем мне рот, я с трудом смог её проглотить. Голова закружилась, и комната, как мне казалось, начала ходить ходуном, и все вещи в ней сделались причудливыми и странными, как если бы я увидел их впервые в жизни. Но это состояние продлилось совсем недолго.

– Одевайся, пойдём.

Я быстро оделся и вышел вслед за дядей в ночную мглу. Он шёл впереди меня, а я послушно шагал за ним. Мы оба молчали. Я волновался, но старался выглядеть уверенным, хотя и не очень понимал, кто бы мог меня разглядеть в такой темноте. Скоро знакомая деревенская местность кончилась. Мы шли по просёлку. Шли долго. Не знаю, как я не отстал и не потерялся, кажется, меня что-то вело. Наконец дядя Гриша остановился.

– Нам сюда, – сказал он, повернувшись на девяносто градусов.

Дальше его слов я разобрать не мог, он шёл впереди и, как казалось, что-то монотонно напевал. Мы шли по лесу. Я чувствовал, как тонкие ветви деревьев и кустов касались рукавов моей куртки, а под ногами шелестела трава. Дядя Гриша шёл впереди, да так бодро и уверенно, словно у себя во дворе. Я же чудом не наткнулся глазом ни на одну острую ветку и не споткнулся ни об одно дерево. Мы всё шли в ночной тишине, под аккомпанемент шуршащих ветвей и листьев. Начало понемногу светлеть. Я устал, болели ноги, голова почти ничего не соображала, но тело продолжало идти, точно я стал роботом. Предраассветные сумерки выхватывали из темноты контуры деревьев. Ветер порой раскачивал их верхушки, всё вокруг наполнялось шумом листьев, а старые стволы жалобно и пугающе скрипели. С прибавлением освещённости мой страх усилился. Трудно передать, каким пугающим выглядел сумеречный лес, вдобавок я осознал, в какую чашу мы успели забраться, а заодно, что я понятия не имею, как отсюда можно выйти. Чем светлее становилось, тем больше хлюпало под ногами. Наконец я понял – это болото. Настоящее топкое болото, и мы каким-то чудом идём здесь вдвоём в сумерках, при которых едва видны очертания собственных рук. Мне стало страшно. Я никогда не любил болота из-за змей, которые должны были ещё охотиться в этот час. Но мы шли. Постепенно стало почти совсем светло.

– Иди тихо, за мной, не отставай, – почти беззвучно произнёс дядя.

Он двигался медленно и осторожно, пробираясь сквозь заросли мокрой высокой травы. Ноги в резиновых сапогах уходили в илистую кашу выше, чем по щиколотку. В ушах стоял комариный звон, сердце бешено колотилось. Внезапно впереди открылась серая топь, окутанная предраассветным туманом. Там и тут между моховыми кочками и призрачными стволами погибших осин чернели бездонные глазницы омутов.

Дядя подошёл к одному из них и склонился, словно всматриваясь в своё отражение.

– Здравствуй, – сказал он тихо, с нежностью и состраданием в голосе, которых я прежде у него не слышал. – Ох ты бедная, почти всё болото прошла, а тут оступилась.

Я подошёл поближе, глянул ему через плечо, и от ужаса меня отбросило назад, я, задыхаясь, схватился за гнилой ствол дерева.

– Даже не думай орать, – то ли услышал, то ли вообразил я голос дяди Гриши.

Я стоял с открытым ртом и трясущимися руками, а перед глазами застыла картинка детского круглого личика, глядящего из воды белыми неподвижными глазами. Ничего страшнее в своей жизни я не видел. Я думал, это точно демон или какая-то страшная тварь, но дядя спокойно стоял над этой страшной девочкой в омуте и что-то ей говорил. Только усилием воли я заставил себя стоять, смотреть и слушать, что происходило дальше.

– Замёрзла, маленькая? А я тебе ленточку принёс, – говорил дядя, хотя мне казалось тогда, что и он, и всё вокруг – просто плод моего воображения. – Смотри, какая ленточка, красивая, красная...

– ... мне бусы подарил... – вдруг услышал я тонкий детский голосок, едва отличимый от комариного писка.

Стало вдруг жутко холодно, меня колотил озноб.

– Знаю, вижу, какие, жемчужные, – отвечал дядя Гриша.

– Каждая – моя слезинка... – отвечал детский голосок.

– А годок тебе какой?

– Пятнадцать...

– А звать-то как?

– Настенька...

– Вот что, Настенька, – серьёзно произнёс дядя Гриша, – нельзя тебе больше здесь находиться, пора уйти.

– ... не отпустит... – услышал я жуткий, точно шипение змеи, испуганный шёпот, – ... никто не ушёл...

– Отпустит, я знаю...

– Я здесь сорок лет, – продолжал шёпот девочки.

– Прошёл той срок, пора...

Дядя Гриша принялся что-то бормотать. Я никак не мог разобрать слов. Повисла гробовая тишина, даже серый туманный лес замер в неестественном молчании: не шумели листья, не зудели неугомонные комары, всё погрузилось в безжизненный холодный вакуум. Откуда ни возьмись в руках у дяди Гриши появилась курица, которой он мгновенно свернул шею, а в следующую минуту надрезал ей шею ножом и окропил вокруг омота птичьей кровью. Мне показалось, я услышал вздох. Он был настолько отчётливым, что я даже огляделся. Но в следующую минуту я почти потерял сознание: из омота медленно поднималась девочка, она была почти прозрачная, казалась сотканной из водорослей, на вид ей было не больше пятнадцати лет, а личико было по-детски кукольно-прекрасным. Из светлых глазок капали слёзы, каждая размером с жемчужину. Девочка поднималась и таяла в утреннем свете, превращаясь в клубы тумана. Всё выше и выше поднималась она, пока не растаяла полностью.

Я почти пришёл в себя, решив, что всё кончилось, но тут боковым зрением увидел нечто такое, от чего чуть не вскрикнул, зажав себе рот: в нескольких метрах слева от нас прошло нечто, похожее не то на старика, не то на старуху, одетую в лохмотья, сгорбленную, корявую, она двигалась бесшумно, проходя насквозь кусты и траву. Видение длилось доли секунды, но и этого мне хватило, чтобы почувствовать надвигающийся приступ паники. Меня трясло. При этом мозг как-то выхватил тот факт, что курица исчезла, и зацепился за него, рождая десятки страшных мыслей в минуту.

– Это болотница, – снова, то ли услышал, то ли представил я слова моего дяди. – Теперь повернись, и идём. Не оборачивайся.

Я развернулся, и пошёл прочь, как робот. Эмоции исчезли. Шаг, другой, третий, я переставлял ноги, изо всех сил стараясь не совершить роковую ошибку. «Оглянешься – окаменеешь». Не помню, как, мы вышли к незнакомой деревне, дошли до другого её края, где была автобусная остановка у обочины разбитого сельского шоссе. Машинально я прочитал надпись на облезлой картонке в железной раме: «деревня Акулово».

Через несколько минут нас подобрал автобус. Мы сели в выдавший виды красный Икарус, в котором кроме нас оказались ещё несколько рабочих, и поехали в неизвестном мне направлении. Я отключился. Не знаю, сколько я спал. Очнулся от того, что дядя тряс меня за плечо.

– Здесь выйдем, тут до нашей деревни рукой подать, – сказал он.

Мы вышли у поворота на грунтовый просёлок. Места по-прежнему были мне не знакомы, хотя я и обошёл за минувшие несколько недель всё в радиусе десяти километров от нашего дома. В голове крутились и путались обрывки мыслей. Через полчаса мы вошли в деревню. Утра было в самом разгаре. У колодца женщина набирала воду. Дядя тут же вызвался помочь ей донести ведра, и обрадованная женщина моментально согласилась.

– Ой, спасибо вам! – воскликнула она. – Вот прям уж и не думала, что помогут. Представляете, зять взялся починить колодец наш, всё разобрал и уехал! Вызвали его. Завтра только приедет, а воды в доме нет! Я старая уже, руки не держат, верёвку упустить с ведром боюсь, вот и пришлось, как раньше, на колодец идти...

Дядя Гриша оказался понимающим слушателем, галантным мужчиной, и уже через несколько минут они с женщиной, которую звали Тамарой, уже шли к её дому, беседую, как старые друзья.

– Вы раз с утра на ногах, вот спасибо, хоть кофе, зайдите, выпейте, мне зять привёз, я кофе люблю, редко пью, но хороший кофе люблю выпить, – тараторила Тамара, приглашая нас войти в её маленький домик с резными ставнями и усыпанный цветами. Из-за дома выглядывал остов колодца, вокруг которого валялись доски и ворот.

Уже через несколько минут мы оказались в чистенькой гостиной, куда хозяйка сносила печенье, варенье и сахар.

– А вы, Григорий Александрович, с племянником, откуда в такую рань идёте? – спросила она.

– Под Акулово ездили клюквенные места разведать, – отозвался дядя Гриша.

– Ой, да, там топко, хорошо, что вернулись, а то прям ужас, там каждый год люди пропадают, потом еле находят. У меня у самой там родня погибла. Поехала в Акулово к подруге и утонула в болоте.

– Да что вы говорите! – охнул дядя, при этом он был настолько искренним, что я засомневался в реальности того, что было с нами всего несколько часов назад.

– Да, дочка старшей сестры, ей лет пятнадцать исполнилось только, Настей звали. Хорошо училась, царство ей небесное. Это год 1974 был. Тогда всей округой искали, утонувшую нашли.

На моём же лице было написано полнейшее удивление: как могло так совпасть, что духа племянницы именно этой женщины мы видели на болоте? У меня было столько вопросов, что я совершенно растерялся, и только поглядывал на дядю, который выглядел так, будто никаких духов в глаза не видел.

После чая вышли вместе. Тамаре нужно было в магазин. Когда мы проходили мимо церкви и кладбища, женщина предложила нам ненадолго зайти.

– Давайте покажу, какая красивая была, – сказала она.

Обойдя пару рядов могил, мы остановились у ржавого облезлого креста с овалом посмертного фото.

– Красивая была, – заметил дядя Гриша.

Когда я взглянул на фотографию, меня прошиб холодный пот: с побледневшего фото на меня глядело кукольное личико молоденькой девушки, точь-в-точь такое, которое смотрело на нас сегодня из чёрного холодного омота.

К шести вечера только мы дошли до нашего дома.

– Ну и побледнел же ты на кладбище, и чего меня просил: расскажи, да покажи... – заметил дядя Гриша, ставя чайник на плиту.

Я ничего не ответил, у меня до сих пор дрожали руки. Молча выпив дядин чай, я отправился спать, и проспал почти сутки, мучимый повторяющимися видениями чёрного омота и туманного болота. Позже я смотрел карту, и оказалось, что ближайшая к нам деревня Акулово

находилась почти в ста километрах. Как мы могли пройти за ночь сто километров по кромешной темноте?

– Ты знал, что они родственники? Как ты нашёл ту девочку? Куда делась курица? – спрашивал я потом дядю.

– Болотница, – отвечал он одновременно строго и загадочно. – Она тайну знает. Да ты и сам на все вопросы ответ найдёшь, не хуже моей, чай, голова на плечах...

С этого момента моя жизнь очень круто изменилась. Я видел с тех пор такое, чего бы никому увидеть не пожелал. И змей на болотах я теперь почти не боюсь.